

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-122-131

ФИЛАТОВА Надежда Владимировна
Институт истории и международных
отношений
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
contact@viaregina.ru

Nadezhda V. FILATOVA
Institute of History and International Relations
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
contact@viaregina.ru

ШОТЛАНДСКОЕ ВЕДОВСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В 1563-1736 гг.

SCOTTISH WITCHCRAFT ACTS IN 1563-1736

Настоящая статья прослеживает эволюцию законодательных норм, регулирующих ведовские практики в Шотландии второй половины XVI - первой трети XVIII в. Исследование шотландского ведовского законодательства порождает вопрос о том, насколько велика была потребность в уголовном преследовании ведовства в середине XVI в.? Статистика ведовских процессов показывает, что ведовство не входило в число насущных, требующих законодательного урегулирования проблем шотландского общества. Однако законодательство способно оказать двоякое влияние на динамику судебных преследований: с одной стороны, оно фиксирует реально сложившуюся ситуацию, с другой - инициирует и интенсифицирует регулируемый компонент юридической практики. Анализ законодательных актов периода охоты на ведьм свидетельствует в пользу их идеологического генеза, решающего влияния прений между католиками и протестантами, а также между церковными и светскими институциями. Ведовское законодательство исследуемого периода не просто определяло границы и ценности благочестивого большинства, но идентифицировало и вытесняло врагов общества как врагов Бога. В Шотландии принятие ведовских актов происходило в периоды возвышения протестантской церкви, лидеры которой, заполучив власть и влияние, неизменно проявляли стремление к тотальной регламентации общественной жизни на основе строжайшей кальвинистской морали. Законы периода охоты на ведьм отражают специфику шотландской государственности, столичных и местных органов судопроизводства, баланс светских и церковных институтов. В статье исследуется дуализм шотландского общества второй половины XVI - XVII в., где национальное право формулировалось на основе морали в том смысле, в котором она провозглашалась и обеспечивалась церковными институтами.

The article traces the evolution of legislative norms which had been ordering Scottish witchcraft in 1563-1736. The study of Scottish witchcraft acts raises the question of how great was the need for criminal prosecution of witchcraft in the middle of the 16th century. The statistics of witch-hunt shows that witchcraft wasn't the urgent social problem that required legislative regulation. However, legislation makes a dual impact on the dynamics of prosecutions. On the one hand, it fixes an actual practice, on the other, it initiates and intensifies certain components of justice. An analysis of Scottish witchcraft acts points its ideological genesis, the crucial influence of debate between Catholics and Protestants, and between church and secular institutions. The witchcraft acts of the period under investigation not only defined the boundaries and values of the pious majority, but identified and crowded out the enemies of society as enemies of God. In Scotland, the adoption of the Witchcraft acts took place during the periods of the rise of the Protestant church. Its leaders, having gained power and influence, sought to regulate the whole public life on the basis of the strictest Calvinistic morality. The laws of the witch-hunting period reflect the specifics of the Scottish statehood, the central and the local judicial courts and the balance of secular and ecclesiastical institutions. The article explores the dualism of Early Modern Scottish society, where national law was formulated on the basis of morality proclaiming and providing by church institutions.

Ключевые слова: Шотландия раннего Нового времени, охота на ведьм, ведовство, ведовское законодательство, протестантская революция в Шотландии, Статут Марии I 1563 г., Парламентский акт 1649 г., Акт Георга II 1736 г., «Демонология» Якова VI, законы в защиту морали

Keywords: Early Modern Scotland, witch-hunt, witchcraft, Witchcraft Acts, Scottish Protestant Revolution, Statute of Mary I 1563, Witchcraft Act 1649, Witchcraft Act of George II 1736, "Daemonologie" by James IV, legislation on moral Discipline

Шотландская охота на ведьм стойко ассоциируется с недолгим стюартовским абсолютизмом и в первую очередь - с Яковом VI как эталонным его представителем. Однако,

несмотря на то, что первая массовая вспышка ведьмomanии имела место в период его правления, само принятие двух антиведовских законов выходит за хронологические рамки правления Якова VI и Карла I. В связи с чем возникает вопрос: уместно ли соотносить ужесточение ведовского законодательства с тенденцией укрепления светских легислатур или следует обратить более пристальное внимание на эволюцию церковной организации? Примечательно, что наиболее интенсивная охота на ведьм хронологически совпадает с периодом религиозных конфликтов в Европе; это позволяет предположить, что протестантская и католическая реформация были ее главной движущей силой. Ужесточение регуляции магических практик, всплеск суеверий и доноительства стали неприглядным последствием модернизации религиозного культа и громоздкой системы церковного управления. Реформация, ознаменовав стремительное проникновение новых ориентиров в культуру Шотландии, стала рубежом, за которым открылась череда ведовских процессов.

Ведовское законодательство эпохи охоты на ведьм представлено Статутом Марии I от 4 июня 1563 г., устанавливающим наказание в виде смертной казни за ведовство, колдовство и некромантию, парламентским актом от 1 февраля 1649 г., подтверждающим смертную казнь для ведьм и лиц, пользующихся их услугами, а также отменяющим уголовное преследование ведовства Актом Георга II от 24 июля 1736 г. Произведя анализ этих законодательных актов, мы попытаемся понять, по какой причине в исследуемый период ведовство получило статус значимой национальной проблемы.

До конца XV в. европейское духовенство квалифицировало ведовство как суеверие, то есть социально неопасный продукт индивидуальной психической реальности, однако в 1484 г. Иннокентий VIII в булле «Всеми силами души» не просто декларировал реальность ведовских практик, но провозгласил величайшую опасность тайной организации ведьм. С началом реформации ведовство стало собирательным понятием, средоточием большинства грехов и пороков, естественно вытесняемых сообществом, таких как внебрачные связи, супружеские измены, гомосексуализм, скотоложство. Эволюция представлений о ведовстве имела единый характер во многих европейских странах. Нивелируя различия между черной и белой магией, антиведовские законы были приняты в 1533 г. в Священной Римской империи Карлом V, в 1542 г. в Англии Генрихом VIII, в 1563 г. Елизаветой I, в 1572 г. в Саксонии Августом I. Примечательно, что изменилась не сущность ведовства, а его отражение в светской и церковной пропаганде. Это означало, во-первых, отчуждение ведовства от обыденности традиционного общества, во-вторых, выход ведовства на авансцену идеологической борьбы.

На фундаментальном уровне практики преследования ведовства восходят к архаическому методу социальной регуляции по принципу деления на условно своих и условно чужих. Ю.М. Лотман осуществил исследование механизма стыда, применяемого для координации поведения внутри сообщества, то есть среди «своих», и механизма страха, применяемого за его пределами, среди «чужих». Лотман отмечает, что дихотомия *стыд по отношению к своим - страх по отношению к чужим* реализуется при помощи различия моральных и юридических норм [1, с. 664-665]. Со второй половины XVI в. ведовские практики начинают активно политически регулироваться при помощи механизма страха, применяемого к чужакам. Так, прибегать к услугам ведьм до середины XVI в. было привычно, но тем не менее постыдно, поскольку с законодательной точки зрения вера в сверхъестественные способности ведьм была суеверием, свидетельством скудости ума; ведьмам и их клиентам предписывалось покаяние, в крайнем случае - экскоммуникация. Однако после вступления в действие серии законов в защиту морали даже консультация у ведьмы стала уголовно наказуемым преступлением, регулируемым механизмом запугивания. Вместе с тем ведовство аккумулировало и категорию страха, и категорию стыда, поскольку было соотнесено с рядом преступлений против морали, то есть, перефразируя Лотмана, тот, кто ранее был подвержен только стыду, теперь стал подвержен и страху. Это означало, что границы сферы норм морали и права становились очевидно проницаемыми для большей части общества.

До 1563 г. на территории Шотландии действовал статут, предписывающий покаяние и иногда изгнание предсказателей судьбы, ведьм и колдунов, мятежников (поджигателей), осквернителей церковного имущества и пр. [2, р. 71]. Шотландская католическая церковь сохраняла высокую толерантность к проблеме ведовства: статут XIV в. гарантировал отпущение грехов всем ведьмам, колдунам и тем, кто в них верит. Новым этапом в эволюции репрезентации ведовства, знаменующим начало эпохи его законодательного преследования, следует считать Статут о ведовстве 1563 г., законодательно упраздняющий различия между «темными искусствами» - ведовством, колдовством и некромантией.

Статут 1563 г. гласит: «Также ввиду того, что Ее величеству королеве и трем сословиям, представленным в нынешнем парламенте, стало известно об опасном и отвратительном суеверии, в котором различные подданные сего королевства повинны, так как используют ведовство, колдовство и некромантию, и с целью доверие, с которым в прошлом вопреки воле Господней относились к таким занятиям, подорвать и их использования в будущем избежать, - Ее королевское величество и три сословия нынешнего парламента повелевают и объявляют законом: любому человеку или людям, какого бы сословия, звания или состояния они ни были, отныне и впредь запрещается прибегать к любому виду ведовства, колдовства или некромантии, а также предаваться какому-либо из вышеупомянутых искусств или их изучению, нанося, таким образом, вред людям, а также искать помощи, поддержки или совета у тех, кто использует, в том числе и во вред, ведовство, колдовство или некромантию, под страхом смерти как тому, кто практикует подобное искусство, на пользу или во зло, так и тому, кто ищет их помощи и совета» [цит. по 3, с. 361].

Под колдовством (“*sorcery*”) традиционно понималось использование слов и действий с целью приобретения постоянной сверхъестественной силы, тогда как ведовство (“*witchcraft*”) ранее было связано в первую очередь с ритуалами лечения, апотропической и любовной магией, поиском потерянных вещей, то есть означало ситуативное колдовство, колдовство *ad hoc* [4, р. 9]. Однако во второй половине XVI в. меняется содержание понятия ведовства: слившись с колдовством и некромантией, оно становится тяжким уголовным преступлением, наказанием за которое служит смертная казнь. Отличие колдовства от ведовства отрицали в первую очередь отцы протестантской церкви, которые заявили о демонической природе всех практик привлечения сверхъестественных сил, - конечно, за исключением освященных церковью.

Радикальность статута 1563 г. проявилась в уголовном преследовании не только ведьм, но и тех, кто пользуется их советами и услугами. Это отвечало духу кальвинистской доктрины божественной предестинации, согласно которой заглядывать в будущее и вмешиваться в ход вещей - тяжкий грех, но это также предопределило необходимость уточнения и коррекции закона в будущем. В известных на сегодняшний день судебных материалах случаи привлечения к ответственности клиентов ведьм практически отсутствуют. Редким примером подобных обвинений служит дело крестьянина Джорджа Фрейзера и его жены, которые обратились к знахарям Джону Филипсу и Уолтеру Бэрду с целью защитить свой скот и увеличить урожай ячменя. Это преступление рассматривалось на уровне церковной сессии, то есть было квалифицировано как преступление против морали, а не уголовное правонарушение [5, р. 194]. Еще одним примером практики применения статута 1563 г. по отношению к клиентам ведьм является случай Кэтрин Манро, которую обвинил в наведении порчи ее пасынок Роберт Манро. Согласно обвинительным актам, Кэтрин Манро прибегла к помощи своих слуг, среди которых якобы были ведьмы, для того чтобы уморить своего родственника и его жену. Реальным итогом судебного разбирательства было несколько смертных приговоров простолюдинам из числа слуг; с Кэтрин Манро и другого подозреваемого, Гектора Манро, обвинения были сняты [6, р. 203-204].

Необходимо отметить, что пассаж о смертной казни для клиентов ведьм был совершенно бесперспективен с точки зрения судопроизводства, ведь расследование такого специфического преступления, как ведовство, могло быть инициировано только в ре-

зультате доноса. Доносчиками в подавляющем большинстве случаев были клиенты ведьм или их ближайшее окружение, то есть те, кто, согласно закону, являлись такими же преступниками и заслуживали смертной казни. Это обстоятельство могло само по себе быть причиной отсутствия массовых преследований ведьм вплоть до конца XVI в.

То, что ведовской статут не мог быть полноценно реализован, явствует из самой его формулировки. Следовательно, необходимо сконцентрировать внимание на его имплицитном содержании и религиозно-политическом контексте. Появление антиведовского законодательства в Шотландии не просто сопряжено с так называемой протестантской революцией, но является ее неотъемлемой частью, способом изживания католической веры и ритуальной практики. Статут 1563 г. был частью серии законов, утверждающих протестантскую деноминацию в Шотландии. Мы можем интерпретировать его не столько как инструмент государственной регуляции ведовских практик, сколько как декларацию, манифест о победе радикальной партии, нацеленной на построение Благочестивого общества.

История появления ведовского акта насыщена подробностями противостояния католической королевы Марии Стюарт и парламента, в котором уже преобладали протестанты. Предположительно, акт 1563 г. был разработан Генеральной ассамблеей церкви, собравшейся на исходе 1562 г. [7, р. 41]. При этом никакой уверенности в том, что по-прежнему влиятельные католики одержат верх в религиозной борьбе, на тот момент быть не могло. Несмотря на усилия членов возглавляемой Джоном Ноксом радикальной партии реформаторов, протестантизм получил законодательное закрепление только в 1567 г. после низложения и бегства королевы.

Ведовской статут был принят в числе пяти законодательных актов, среди которых Акт об амнистии, запрете прелюбодеяния и акт, регулирующий получение священниками земельных наделов. Акт о забвении был принят для предотвращения судебных преследований активистов протестантской революции 1560 г. Акт о наделах должен был обеспечить протестантских священников землей, которая ранее находилась в распоряжении католической церкви. Особенностью реформации в Шотландии было сохранение фактической самостоятельности церкви и ее изначальная включенность в политический процесс: церковь не потеряла ни законодательной, ни судебной инициативы, оставаясь стержнем шотландской политической жизни на протяжении, по крайней мере, столетия после протестантской революции. Зримым свидетельством влияния церковных институтов на светские было активное участие деятелей Генеральной ассамблеи в законотворчестве второй половины XVI в. Законы в защиту морали хронологически и отчасти содержательно следуют за положениями Первой книги порядка 1561 г. и меморандумами Генеральной ассамблеи шотландской церкви 1562 г.

Одной из причин ужесточения ведовского законодательства является принятие аналогичного акта в Англии за полгода до шотландского. Несмотря на то, что формально английский и шотландский законы существенно отличаются, первый вполне мог быть поводом для второго. Формулировка шотландского статута значительно жестче английского. Во-первых, в Шотландии не были дифференцированы наказания за «темные искусства»: всех уличенных в них надлежало казнить. Во-вторых, смертная казнь была уготована также и клиентам ведьм, что значительно расширяло круг потенциальных жертв закона. В-третьих, статут 1563 г. предполагал, что заниматься расследованием ведовства могут как барониальные, так и королевские суды различной юрисдикции, то есть все судебные инстанции могли карать ведьм смертной казнью. В Англии ведовские преступления подразделялись на три категории, за которые предусматривалось три вида наказаний различной степени тяжести. Соответственно, английский антиведовской акт конкретизировал деяния, которые могли быть квалифицированы как темные искусства, что влекло за собой значительно меньшую степень последующего судебного произвола [8, с. 76-77]. Вопрос о том, был ли шотландский статут 1563 г. разработан на Генеральной ассамблее 1562 г. или позже, как реакция на аналогичную инициативу английского парламента, остается открытым.

Статут 1563 г. как бы разделен на два уровня - манифестный и латентный. Манифестным содержанием акта является запрещение любого вида ведовства, колдовства и некромантии, что, в целом, отражает законотворческие тенденции европейских монархов периода становления абсолютизма. В то же время уход от конкретизации состава преступлений, за которые налагается смертная казнь, подталкивает нас к анализу документа как своего рода иносказания, компромиссного и предварительного варианта последующего антикатолического закона. Акцентируя внимание на антикатолическом подтексте статута 1563 г., мы должны помнить, что это продукт светского законодательства, вышедший от имени королевы, парламента и трех сословий. Его форма отражает указанный выше дуализм светского и церковного начал в государственном управлении, в целом характерный для периода конфессионализации. Преамбула содержит термин «суеверие», подразумевающий ритуалы, произведенные без божественной санкции, то есть дьявольские. Данная трактовка, скорее, католическая, поскольку, согласно кальвинистской богословской традиции, без божественного предопределения в принципе ничто не может произойти. Впрочем, этот богословский казус заводил в логический тупик проповедников, но не судей, для которых суеверие было не мировоззренческой, а частно-юридической категорией. В основной части в пассаже о составе преступления говорится, что ведьмы «приносят вред людям», то есть ведовство трактуется не как ересь, но как способ принесения материального ущерба, то есть как светское уголовное преступление. В то же время кальвинистская идея защиты морали требовала преследования не только вредоносной магии, но и магии вообще. Следовательно, уголовными преступниками объявлялись все, «кто практикует подобное искусство, на пользу или во зло». Будучи направлен против дохристианских суеверий или против католицизма, ведовский акт, так или иначе, был призван максимально очистить повседневность и ритуальные практики от различных искажений.

К середине 1560-х годов практика преследования ведовства была оформлена законодательно, но еще не устоялась процессуально. В целом в период с 1563 до 1590 г. ведовское законодательство применялось относительно редко и не вполне буквально: ведьм судили, но далеко не всегда подвергали смертной казни. Так, например, в 1586 г. жительница графства Форфар Тибби Сمارт была осуждена за применение магии, в частности за то, что умела превращаться в барсука (в момент, когда соседи пытались натравить на нее собак). Суд приговорил Тибби к пожизненному изгнанию и клеймению щеки [9, p. 96].

Парламентский акт 1591 г. позволил женщинам выступать в суде в качестве свидетелей. Вопреки точке зрения феминистски ориентированных исследователей, именно эта поправка способствовала эскалации ведовских процессов последующих лет. К концу XVI в. шотландское ведовское судопроизводство утрачивает изначальное морализаторство, привнесенное отцами протестантской церкви, становится более функциональным и приобретает процессуальную четкость. Во-первых, отчасти перенимается континентальная модель охоты на ведьм, импортированная и опробованная Яковом VI в 1590-1591 гг., в рамках которой «для лучшего разыскания» разрешено применение пыток, в частности поиск дьявольской метки и водные ордалии (последняя процедура не прижилась на шотландской почве). Во-вторых, упорядочивается вертикаль судебных инстанций, уполномоченных расследовать ведовство. В-третьих, в реальной судебной практике утрачивает силу пункт о наказании клиентов ведьм, который мог парализовать почти любой ведовской процесс. На смену этому пункту приходит поправка о расширении числа потенциальных свидетелей в суде, что резко увеличивает базу стороны обвинения. Только в конце XVI в., когда ведовское законодательство стало эволюционировать в сторону реально применимой юридической практики, предполагающей четкое разделение сторон защиты и обвинения и соблюдение принципов арбитража, стали возможны вспышки «национальной охоты на ведьм». Парадоксально, но факт: смягчение закона повлекло за собой ужесточение практики его применения.

Переломным моментом для шотландского ведовского законодательства был суд Норт-Бервикских ведьм 1590-1591 гг., в ходе которого ведовству был присвоен статус,

эквивалентный государственной измене. Дело ведьм из Норт-Бервика расследовалось так тщательно, что был раскрыт не один заговор, а сразу четыре, в которых должны были использоваться различные магические способы убийства Якова VI Стюарта. Согласно материалам расследования, в преступлении были замешаны не только жители городка Ист-Лотиан, но и самые высокопоставленные и высокородные особы Шотландии, в частности Френсис Стюарт граф Ботвелл и Уильям Шоу, главный распорядитель двора и основоположник масонской иерархии [10, р. 138-141]. Общепризнанными являются тягостные для монарха психологические последствия событий 1590-1591 гг., побудившие его в течение нескольких следующих лет уделять повышенное внимание теме ведовства в своем литературном творчестве и государственной политике. Яков VI был от природы склонен к интеллектуальному осмыслению и анализу, при помощи которого он, вероятно, избавился от чрезмерных переживаний по поводу магических заговоров. В течение 1592-1596 гг. он исследовал тему ведовства, результатом чего стал демонологический трактат в трех книгах. Его «Демонология» является отнюдь не категоричным обличением ведьм, а небезуспешной попыткой всестороннего осмысления природы ведовства и колдовства, оформленной диалогически, то есть с учетом противоположных точек зрения на проблему. К 1597 г. относится последний всплеск интереса короля к проблеме ведовства: он совершает визит в университет Сент-Эндрюса, где среди прочего проверяет уровень теоретической подготовки чиновников и священников к ведовским процессам [11, р. 37]. Именно в 1597 г. наблюдается заметная интенсификация охоты на ведьм в ряде шотландских графств. Было организовано несколько королевских комиссий для расследования ведовства. Наиболее знаменитые судебные эпизоды имели место в Абердине и особенно Файфе, где так называемая Великая ведьма Белвари Маргарет Эйткен заявила, что она может распознать слугу дьявола, просто заглянув ему в глаза. За четыре месяца комиссия с Эйткен в качестве эксперта объездила несколько графств, в результате было арестовано и казнено множество неповинных людей, после чего выявился подлог, король был вынужден отозвать комиссионеров, судебные расследования были прекращены [12, р. 58-66]. После скандальной охоты на ведьм 1597 г. число ведовских процессов резко сократилось, и к началу XVII в. проблема ведовства вышла из поля актуальной государственной политики.

Очередной период законодательного преследования ведьм открылся в начале XVII в., конкретнее - в 1603 г., когда Яков Стюарт, приняв английскую корону, покинул Шотландию. В Англии, в отличие от Шотландии, отношение к ведьмам было более вариативным. Тем не менее английский ведовской акт 1604 г. отражает ортодоксальное, континентальное по своей природе понимание ведовства. Помимо принесения ущерба здоровью и имуществу, а также осквернения могил, он содержит пункт о вызывании злых духов, восходящий к мифологеме демонического пакта, ранее не отраженной в английском законодательстве. Что касается Шотландии начала XVII в., опираясь на статистические данные, мы можем констатировать, что вместе с королем страну покинул и интерес к ведовству [13]. Однако в ходе немногочисленных ведовских процессов первых десятилетий XVII в. в Шотландии складывается судебная практика преследования ведовства, которая обеспечила самый массовый в шотландской истории всплеск охоты на ведьм в середине века.

Период 1638-1650 гг. характеризуется общим увеличением влияния церковной организации на общественную и политическую жизнь Шотландии. Создание Национальной лиги и Ковенанта ознаменовало отождествление духовной и государственной политики и фактический примат пресвитерианской церкви в вопросах политического управления. На протяжении 1640-х годов Генеральная ассамблея настаивала на ужесточении статута 1563 г. Парламентский акт 1649 г. отражает эту тенденцию и, тем самым, повторяет законодательные инициативы 1560-х годов. Возросшая степень клерикализации обусловила расширение судебных функций пресвитерий, в первую очередь в области защиты морали. Так, опираясь на решение Генеральной комиссии, парламент присвоил пресвитериям судебные полномочия в ведовских процессах, что моментально вызвало всплеск охоты на ведьм.

Охота на ведьм 1649-1650 гг. разразилась в напряженной атмосфере гражданского противостояния. Национальный Ковенант 1638 г. был новой попыткой построения Благочестивого общества на основе контракта нации с Богом; актуализация самой этой идеи предвещала импульс преследований ведовства как инструмента всесторонней регуляции общественной жизни. В 1648 г., когда у власти встала радикальная часть ковенантерского движения, уже ничто не могло помешать стремлению очистить страну от происков дьявола. На протяжении 1643-1644 гг. возрастает число знахарей, попадающих на скамью подсудимых на уровне пресвитерий. Статут 1563 г. подвергается критике за неупоминание в нем знахарей. Одновременно возникает стремление более четкого его соблюдения, включающего преследование лиц, пользующихся услугами ведьм и колдунов [14, p. 85].

Новая редакция ведовского акта была опубликована 1 февраля 1649 г. «Сословия и парламент, понимая, что есть такие персоны, которые консультируются с дьяволами и духами и кто, несмотря на акт 1563 г., предписывающий, что все ведьмы, колдуны и некроманты и [их] советчики должны быть предаваемы смерти, помышляет о собственной безнаказанности, поскольку советчики специально не упоминаются в данном акте: по этой причине для дальнейшего разъяснения надлежит заявить и приказать, что упомянутые персоны, консультирующиеся с дьяволами или духами, должны быть объединены указанным актом и подлежат смертной казни; и указанные сословия одобряют и принимают все формы актов против ведьм, колдунов, некромантов и тех, кто получает их совет, согласно их параграфам, статьям и пунктам» [цит. по 14, p. 86].

Акт 1649 г. подтверждал все положения крайне неоднозначного с юридической точки зрения статута 1563 г. Новым было упоминание дьяволов и духов, что давало возможность применения акта как против некромантов и лиц, подозреваемых в сделке с дьяволом, так и против различных целителей, использующих магические ритуалы привлечения духов природы, святых, ангелов и т.д. В том же году, как и в период церковной реформации, парламент принял пакет законов в защиту морали: против супружеской измены, внебрачных связей, инцеста, пьянства, сквернословия. Интенсивное законоотворчество ознаменовало стремление шотландского общества избавиться от политических и социальных проблем путем соблюдения строгой дисциплины. Реакция со стороны глав местных церквей последовала незамедлительно. Известно, что с 1641 по 1650 г. было зафиксировано наибольшее за все полтора столетия охоты на ведьм числоных - около 850, при этом 399 из них, то есть 46% от общего числа, были осуждены в 1649 г. Усиление социального контроля спровоцировало волну преследований по подозрению в ведовстве в Лотиане, Восточных графствах, Стратклайде, Файфе [13].

Однако бурная пора противодействия различным проявлениям людских грехов длилась недолго. Уже в 1650 г. ковенантеры переключили внимание на переговоры с Карлом II и Оливером Кромвелем; перемена политической повестки завершила период недолгой, но интенсивной охоты на ведьм 1649-1650 гг. Слуг дьявола заслонила куда более актуальная угроза - вторжение реальных военных сил Кромвеля. Административные и финансовые ресурсы юга Шотландии, где наблюдались наиболее интенсивные преследования, были сконцентрированы на организации обороны и снабжении войск. Следующее десятилетие отмечено заметным снижением этого показателя - около 200 человек, что традиционно увязывается с поражением движения ковенантеров в 1650-1652 гг. [13].

Охота на ведьм в Шотландии была интенсивнее и задержалась значительно дольше, нежели в остальных британских землях. Так, в Англии и Уэльсе последняя казнь за ведовство была осуществлена в 1684 г., а последний обвинительный акт был вынесен в 1717 г. [15, p. 79]. В континентальной Европе преследования фактически прекратились ко второй половине XVII в.: в католической Испании - в 1614 г., во Франции - в 1624, в Вюрцбурге - в 1629, в Англии - в 1646, в Италии - в 1655 г. Характерно, что в кальвинистских обществах охота на ведьм задержалась дольше всего: в Новой Англии - до конца XVII в., в Швейцарии - до середины XVIII [16, p. 169].

Однако в начале XVIII в. ведовские процессы постепенно затухают и в Шотландии, что в первую очередь связано с британским объединением, способствовавшим проникновению английской законодательной и судебной практики в шотландское государ-

ственное управление и общественную жизнь [17, с. 274]. Снижение интенсивности ведовских процессов было вызвано последствиями Славной революции: утвержденный шотландским парламентом весной 1689 г. Билль о правах ограничил применение пыток, что положительно отразилось на динамике преследований ведьм.

В 1735 г. парламент Великобритании принял постановление, согласно которому утверждение, что какой-либо человек может обрести и использовать магическую силу, следует карать по закону. В следующем году антиведовское законодательство было аннулировано королевским актом, что ознаменовало окончание охоты на ведьм в Шотландии, законодательно утверждая рационалистический подход к пониманию ведовства. Акт Георга II от 1736 г. стал заключительным законодательным документом, регулирующим ведовство в Великобритании Нового времени. Он отменял статьи английского антиведовского акта 1604 г. и подводил черту под государственным преследованием ведовства в Шотландии и в целом в Великобритании. Если ведовские акты 1563 и 1649 гг. представляли ведовство в его радикально-религиозном прочтении, то акт 1736 г. затрагивал исключительно его гражданский аспект. Взятое само по себе, без впечатляющего демонологического контекста, ведовство редуцировалось до косного деревенского суеверия и примитивной формы коммерции. Концептуальной причиной отмены смертной казни за ведовство стали перемены в правовом сознании, благодаря которым принципиальная невозможность доказательства преступления стала реальным препятствием к назначению высшей меры наказания.

Закон 1736 г. гласит: «Для более действенного предотвращения и наказания любых притязаний на вышеуказанные искусства и способности, посредством которых невежественные люди часто вводили в заблуждение и обманывали, далее предписывается, что если любое лицо будет впредь и далее 24 июня 1) притворяться, что занимается или использует любые виды колдовства, чародейства, ворожбы, или 2) предпринимать предсказание судьбы, или 3) симулировать знание любой оккультной или хитрой науки или искусства, или 4) рассказывать, где и каким образом можно открыть украденное или найти потерянное, то любое лицо, совершившее такое правонарушение, будучи законно признано виновным, в обвинительном акте или жалобе в суд в части Великобритании, называемой Англией, а также в обвинительном акте или печатном пасквиле в части Великобритании, называемой Шотландией, будет за каждую такую попытку наказываться заключением на срок до одного года без права освобождения под залог (поручительство) и единожды в каждом квартале названного года в любом городе с рынком в названной стране в течение торгового дня должно стоять с непокрытой головой у позорного столба в течение одного часа и еще должно (если вынесший приговор суд это решит) внести денежный залог в своем хорошем поведении, причем сумму и срок должен определить суд присяжных соответственно обстоятельствам дела, а также определить, на какой срок будет продлено заключение, пока этот залог не будет внесен» [цит. по 8, с. 84-85].

Акт 1736 г. восстанавливал средневековое понимание ведовства как заблуждения, официально перечеркнутое буллой Иннокентия VIII «Всеми силами души». В то же время ведовство, квалифицированное как мошенничество, оставалось в поле юридически наказуемых преступлений. Юлия Игина отмечает, что парламент и правительство Великобритании стремились урегулировать ведовские практики не как смертный грех, а как незаконную коммерческую деятельность, нарушающую общественный порядок [8, с. 85]. Ведовство перестало быть опасным и официально стало постыдным занятием. Новое наказание за ведовство - стояние у позорного столба - было укоренившейся в британской юриспруденции практикой публичного порицания за мелкие кражи, подлоги, недобросовестную торговлю и ремесло. Таким образом, ведовство само по себе утратило статус преступления, преступным было мошенническое предоставление ведовских услуг за деньги. В 1736 г. государство перестало защищать своих граждан от угрозы ведьм, что вызвало критическую реакцию со стороны церковных лидеров. В 1743 г. Объединенная пресвитерия постановила, что ведовство по-прежнему остается в числе национальных грехов [18, р. 16]. Вместе с тем ведовство определенно перестает быть предметом государственной заботы, переместившись в число ординарных мелких преступлений. Акт

1736 г. зафиксировал не исчезновение веры в магию в британских приходах, но потерю общественного интереса к этой проблематике.

Подводя итоги, следует отметить, что идеология и законодательное оформление преследований ведьм в Шотландии на протяжении 173 лет эволюционировали от радикально-религиозного стиля к правовому. Во второй половине XVI в. в публичное пространство Шотландии вводится особый дискурс охоты на ведьм. Можно обозначить три основных этапа его проникновения в культуру: в 1559-1560 гг. через дьявологию кальвинизма, в 1563 г. через правовые преобразования, наконец, в 1597 г. с выходом «Демонологии» Якова VI Стюарта открывается период обсуждения проблемы ведовства в шотландской публицистике. В процессе развития шотландского национального законодательства ведовство как измена Богу и королю отождествляется с тяжкими уголовными преступлениями (убийством, поджогом, изнасилованием, разбоем), которые караются смертной казнью. Дальнейшая дискуссия вокруг охоты на ведьм, проходившая на фоне бурного развития форм британской государственности, привела к утверждению рационалистического подхода в праве и постепенной потере государственного интереса к проблеме ведовства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры / ра. - СПб.: Искусство, 2004. - С. 664-666.
2. Cowan E.J. Witch Persecution and Folk Belief in Lowland Scotland: The Devil's Decade Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland. Goodare, J., Martin, L., Miller, J. (eds.). - London: Palgrave Macmillan, 2008. - Pp. 71-94.
3. Горелов Н.С. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI-XVIII веках. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - 512 с.
4. Lerner Ch. Enemies of God: The Witch Hunt in Scotland. - London, 1981. - 244 p.
5. Davies O. A Comparative Perspective on Scottish Cunning-Folk and Charmers / Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland. Goodare, J., Martin, L., Miller, J. (eds.). - London: Palgrave Macmillan, 2008. - Pp. 185-205.
6. Pitcairn R. Ancient Criminal Trials in Scotland: 1584-1596. Vol. 1. P. 3. - Edinburgh, 1833. - 400 p.
7. Acts and Proceedings of the General Assemblies of the Kirk of Scotland. Vol. I, 1560-1577. - Edinburgh, 1839. - 398 p.
8. Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. - СПб.: Алетейя, 2009. - 327 с.
9. Maxwell-Stuart P.G. Satan's Conspiracy: Magic and Witchcraft in Sixteenth-century Scotland. - Dundurn, 2001. - 255 p.
10. Normand L., Roberts G. Witchcraft in Early Modern Scotland. - Exeter: University of Exeter Press, 2000. - 454 p.
11. Maxwell-Stuart P.G. Witchcraft and the Act of 1604. - Brill, 2008. - 248 p.
12. Goodare J. The Scottish witchcraft panic of 1597 / The Scottish Witch-Hunt in Context. Julian Goodare (ed.) - Manchester: Manchester University Press, 2002. - Pp. 51-73.
13. Survey of Scottish Witchcraft Database / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.shca.ed.ac.uk>. (Дата обращения: 14.05.2017).
14. Hughes P. Witch-Hunting in Scotland, 1649-1650 / Scottish Witches and Witch-Hunters. Goodare J. (ed.) - London: Palgrave Macmillan, 2013. - Pp. 85-102.
15. Davies O. Witchcraft, Magic and Culture, 1736-1951. - Manchester: Manchester University Press, 1999. - 352 p.
16. Levack B.P. The decline and end of Scottish witchhunting / The Scottish Witch-Hunt in Context. Julian Goodare (ed.) - Manchester: Manchester University Press, 2002. - Pp. 166-182.
17. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. - СПб.: Алетейя, 2016. - 720 с.
18. Millar J. A History of the Witches of Renfrewshire, Who Were Burned on the Gallowgreen of Paisley. - Paisley, 1809. - 202 p.

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. O semiotike ponyatiy «styd» i «strakh» v mekhanizme kul'tury. Semiosfera. [About Semiotics of notions "Shame" and "Fear" in the mechanism of Culture]. SPb.: Iskusstvo, 2004. С. 664-666. (in Russian).
2. Cowan E.J. Witch Persecution and Folk Belief in Lowland Scotland: The Devil's Decade Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland. Goodare, J., Martin, L., Miller, J. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 71 - 94.
3. Gorelov N.S. Bich i molot. Okhota na ved'm v XVI - XVIII vekakh. [Scourge and Hammer]. SPb.: Azbuka-klassika, 2005. 512 p. (in Russian).
4. Larner Ch. Enemies of God: The Witch Hunt in Scotland. London, 1981. 244 p.
5. Davies O. A Comparative Perspective on Scottish Cunning-Folk and Charmers. Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland. Goodare, J., Martin, L., Miller, J. (eds.) London: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 185-205.
6. Pitcairn R. Ancient Criminal Trials in Scotland: 1584 - 1596. Vol. 1. P. 3. Edinburgh, 1833. - 400 p.
7. Acts and Proceedings of the General Assemblies of the Kirk of Scotland. Vol. I, 1560-1577. Edinburgh, 1839. 398 p.
8. Igina Yu.F. Vedovstvo i ved'my v Anglii. Antropologiya zla. [Witchcraft and Witches in England. Anthropology of Evil]. SPb.: Aleteyya, 2009. 327 p. (in Russian).
9. Maxwell-Stuart P.G. Satan's Conspiracy: Magic and Witchcraft in Sixteenth-century Scotland. Dundurn, 2001. 255 p.
10. Normand L., Roberts G. Witchcraft in Early Modern Scotland. Exeter: University of Exeter Press, 2000. 454 p.
11. Maxwell-Stuart P.G. Witchcraft and the Act of 1604. Brill, 2008. 248 p.
12. Goodare J. The Scottish witchcraft panic of 1597. The Scottish Witch-Hunt in Context. Julian Goodare (ed.) Manchester: Manchester University Press, 2002. Pp. 51-73.
13. Survey of Scottish Witchcraft Database. Available at: URL: <http://www.shca.ed.ac.uk>.
14. Hughes P. Witch-Hunting in Scotland, 1649-1650. Scottish Witches and Witch-Hunters. Goodare J. (ed.) London: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 85-102.
15. Davies O. Witchcraft, Magic and Culture, 1736-1951. Manchester: Manchester University Press, 1999. 352 p.
16. Levack B.P. The decline and end of Scottish witchhunting. The Scottish Witch-Hunt in Context. Julian Goodare (ed.) Manchester: Manchester University Press, 2002. Pp. 166-182.
17. Apryshhenko V.Ju. Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskah identichnostej. [Scotland in Modern period: In search of identities]. SPb.: Aletejja, 2016. 717 p. (in Russian).
18. Millar J. A History of the Witches of Renfrewshire, Who Were Burned on the Gallowgreen of Paisley. Paisley, 1809. 202 p.

Информация об авторе:

Филатова Надежда Владимировна, аспирант, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
contact@viaregina.ru

Получена: 02.09.2017

Для цитирования: Филатова Н.В. Шотландское ведовское законодательство в 1563-1736 гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 5. Часть 2. с.122-131.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-122-131.

Information about the author:

Nadezhda V. Filatova, Postgraduate Student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
contact@viaregina.ru

Received: 02.09.2017

For citation: Filatova N.V. Scottish witchcraft acts in 1563-1736. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no. 5 Part. 2. Pp. 122-131.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-122-131. (in Russian)